

Т. Е. ГАЙДАР

Дорогие друзья!

Решение о позиции нашей партии на предстоящих президентских выборах было для нас очень и очень нелегким. Пока мы обсуждали ее в своих партийных организациях в январе-марте месяце, фактически повсеместно шли серьезные дискуссии, приводились аргументы, заслуживающие самого серьезного внимания в пользу той или другой позиции.

Нужно сказать, что я очень внимательно следил за этой дискуссией, старался воздержаться от собственных высказываний именно потому, что очень хотел послушать, а каково будет мнение наших коллег, единомышленников.

Должен сказать вне зависимости от того, какое решение мы примем сегодня, а я знаю позицию большинства партийных организаций мы должны, я убежден в этом, быть предельно корректны по отношению к тем нашим коллегам, которые останутся в меньшинстве. Это тот вопрос, который, действительно, был трудным для нашей партии. Я категорический противник каких-бы ни было дисциплинарных, организационных выводов и взысканий по отношению к тем, кто оказался в меньшинстве по этому вопросу. И я рад тому, что Политсовет предложил проект Резолюции, который учитывает необходимость для либеральной партии оставить свободу мнений нашим коллегам и единомышленникам по этому принципиальному и очень непростому вопросу.

Вместе с тем в ходе этой дискуссии, анализируя то, как изменяется общественная ситуация России, я все больше и больше приходил к выводу о том, что сам эмоциональный характер обсуждения, то, что

мы в значительной степени как-бы концентрируем внимание на персоналиях, на личных отношениях, иногда застилает глаза, иногда не позволяет трезво оценить суть социально-экономического выбора, перед которым сегодня стоит Россия.

Именно поэтому я хотел бы сосредоточиться не столько на персоналиях кандидатов, не столько на том, кто из них плох или хорош кто имеет какие прегрешения или заслуги перед Российской демократией, а о том, в каком состоянии сегодня находится наша страна, и что значит выбор, который нам предстоит сделать в июне-июле месяце, в чем его социально-экономическое содержание.

Если мало-мальски спокойно и объективно посмотреть на то, что сегодня определяет положение в России. И мы должны признать, что главное — это те стабилизационные процессы, которые явно, несмотря на все сохраняющиеся трудности, пробивают себе дорогу в нашей жизни.

Я говорю даже не о таких вещах, как близкие мне проблемы снижения уровня инфляции, накопления валютных резервов, устойчивости валютного курса и т.д. и т.д. Дело даже не только в этом. Глубинные, очень инерционные показатели социальной динамики, действительно, свидетельствуют о начинающихся стабилизационных процессах.

Такой важнейший показатель как продолжительность жизни.

Она падает в России с 1988 года, с начала тяжелейшего кризиса, с которым столкнулась социалистическая система. В 1995 году продолжительность жизни в России, впервые за последние годы, начала расти.

Показатели смертности, они тоже падали на протяжении последних лет. Намного раньше, чем начались реформы. Показатели смертности начали впервые снижаться в 1995 году.

В целом ряде регионов России /причем это в тех регионах, которые являются сегодня базой поддержки реформаторского курса/ в 1995 году начала расти рождаемость.

Именно такие показатели для меня может быть самое сильное свидетельство того, что, пережив страшную катастрофу социалистического режима, тяжелейшие социальные проблемы связанные с этой катастрофой Россия все-таки, наконец, начинает успокаиваться. Россия начинает приспособливаться к новым, 5-7 лет тому назад, немыслимым и невообразимым социально-экономическим реальностям. Шрамы от вынужденных операции еще болят, но процесс выздоровления явно прогрессирует.

На мой взгляд, это, наверное, самое главное из того, что происходит сегодня в России.

Да, эта стабилизация не на том уровне реформ, который мы хотели видеть и обеспечить. Да, реформы оказались половинчатыми и во многом приостановленными. Отсюда колоссальное количество проблем и болячек нашего общества, связанных именно с незавершенностью либеральных преобразований.

Мы точно знаем, что мы хотели бы сделать в России для того, чтобы наше государство было менее коррумпированным, более экономичным общество более справедливым. Мы знаем, что наша программа либеральных реформ — это именно те необходимые мероприятия для того чтобы добиться длительных подвижек.

По-видимому, другое. Сегодня, к сожалению, этот потенциал поддержки этих либеральных образований существенно сократился.

11

На выборы 1995 года, я убежден, наша партия шла с программой, которая, действительно, отвечает долгосрочным потребностям страны и которая раньше или позже будет реализована в России.

Я рад и горд тому, что большая, видимо, часть российской интеллектуальной элиты в декабре 1995 года поддержала Демократический Выбор России.

Вместе с тем, давайте честно посмотрим в глаза реальности. Выбор не решается поддержкой даже большей части интеллектуальной элиты.

Наше поражение на выборах в 1995 году, на мой взгляд, было связано не только с тактическими ошибками, которые у нас, разумеется, были, не столько с раздробленностью демократов, которая, конечно, определила масштабы этого поражения, а с тем, надо признать честно, что мы оторвались от своей собственной социальной базы, мы далеко ушли от того слоя, еще несформировавшегося, который способен поддержать следующий тур необходимых либеральных преобразований. Тот средний класс, та мелкая буржуазия, которая и является во всем мире базой необходимых либеральных реформ, реформ, направленных на сокращение избыточного вмешательства бюрократии в экономическую жизнь, в обеспечение равенства правил игры, на уважение ^к налогоплательщикам их правам и т.д. Этот слой еще только-только формируется в России, он создается теми реформами, которые были проведены до этого, он еще слаб, он еще не осознал свои интересы.

Именно это, на мой взгляд, самая серьезная из проблем, самая серьезная причина того объективного отката от либеральной идеологии, либеральной политики, которую мы видим сегодня в России.

11 4

12

Можно закрывать глаза на эту реальность, но тогда есть огромная опасность оторваться от баз, стать сектантами, лишенными реального влияния на политический процесс.

Вместе с тем, реализованные, неизбежно болезненные преобразования вместе с политическими ошибками нынешней власти, вместе с болью от незавершенности этих преобразований объективно рождает мощную возвратную волну, волну протеста против боли этих преобразований, волну, которую очень легко использовать для социальной базы радикальной контрреформации, для того, чтобы проехать бульдозером по очень еще жиденькому плодородному слою гражданского общества, которое удалось сформировать в России. И выборы 95 года убедительно показали, они очень наглядно опровергли построения тех, кто говорил - коммунистическая угроза это миф, это химера. Они показали, что коммунистическая угроза это самая серьезная и жесткая реальность сегодняшней российской жизни.

Во всем мире всегда выборы - это вопрос борьбы между властью и самой сильной оппозицией. И главный вопрос выборов - это вопрос, стоящий между властью и самой сильной оппозицией.

К настоящему времени, на мой взгляд, любой трезво мыслящий наблюдатель российской политической жизни знает ответ на вопрос и что такое власть, и что такое партия

власти, и какая оппозиция сегодня самая сильная. Без сомнения, самая сильная оппозиция сегодня коммунистическая оппозиция, это КПРФ. Именно это, на мой взгляд, и определяет характер голосования, который предстоит нам в июне-июле 96 года, характер персонального выбора между Ельциным и Зюгановым.

Мы вели искренние переговоры, направленные на попытку создания либеральной коалиции, коалиции, которая способна была бы противопоставить нынешней власти неавантюрную программу отката назад, а программу последовательных либеральных реформ. И вместе с тем, должен сказать, что невозможность создания такой коалиции, на мой взгляд, сегодня в коалиции не просто существующей, а коалиции, имеющей шансы на победу — это не проблема личных отношений тех или других политических лидеров, это проблемы социально-экономической реальности сегодняшней России.

Даже если с огромными допущениями признать, что "Яблоко" является по своей природе либеральной партией, что, разумеется, является допущением бесконечно сильным, то и тогда очевидно, что коалиция ДВР и "Яблоко" не имеет шансов бороться за победу на предстоящих выборах. А как только возникает необходимость расширения этой коалиции и включения в нее таких персоналей как г-н Федорове г-н Лебедь и т.д., так от либеральной программы, простите, ничего не остается! Какая это либеральная партия, либеральная программа, которая идет с идеями отказа от частной собственно-

сти полноценной, по Федорову, или отказа от парламентаризма избираемого парламента, по Лебедю, ну тогда уж давайте договоримся, что это беспринципная коалиция, которая не имеет никакой программы и суть которой состоит в том, чтобы выторговать себе какие-то места у власти. Тогда непонятно, а почему мы должны в этом участвовать?!

(Аплодисменты)

Именно поэтому, я убежден, трезво оценивая сегодняшнюю ситуацию в России, мы вынуждены признать - при принципиальной борьбе за то, удастся ли нам сохранить, пусть не слишком совершенные, но без сомнения наши результаты борьбы за гражданское общество, наши результаты предшествующего этапа либеральных реформ или наши политические метания объективно проложат дорогу радикальной контрреформации, я убежден, ответ на вопрос о позиции нашей партии объективно задан, вне зависимости от того, кто нам нравится и кто нам не нравится, и какие претензии у нас есть к тому или иному претенденту.

В этой связи в ходе дискуссии возникало несколько принципиальных вопросов и контраргументов, которые, на мой взгляд, заслуживают специального внимания и специального обсуждения.

Неоднократно говорили: да, может быть этот выбор между Эггановым и Ельциным, но коммунисты не имеют никаких шансов победить. Их электорат объективно ограничен, он не

растет, он увеличится не может, поэтому можно не пугать себя призраком коммунизма и спокойно выработать собственную политическую тактику. Нужно сказать честно, что меня лично эти аргументы ни в малой мере не убеждают. Не убеждают они меня по нескольким причинам. Во-первых, потому, что я видел рост популярности посткоммунистических партий на фоне тяжелых реформ на фоне всей Восточной Европы и я не понимаю, почему Россия должна быть исключением. Во-вторых, потому, что я разговаривал с колоссальным количеством людей, которых я знаю и которые никогда бы не поддержали коммунистов в 91 году, которые сегодня готовы проголосовать за коммунистов, в том числе потому, что они смогли приспособиться, потому что они дезориентированы и т.д. Я вижу и знаю этих людей и это реальное изменение, изменение опасное.

В-третьих, потому что мы видели рост реального электро-рального потенциала коммунистов между выборами 93 и 95 года, на это нельзя закрывать глаза.

Наконец, четвертое. Можно сколько угодно строить своеобразные конструкции, можно играть цифрами, но факт остается фактом - в декабре 95 года прошли выборы общенародные в Государственную Думу. В Государственной Думе коммунисты имеют простое большинство голосов. Это факт и никакими построениями его не перечеркнешь. Угроза коммунистической победы на президентских выборах очень серьезна. И самое

опасное для президентской команды, я неоднократно говорил, это в любой момент власть в эйфорию, в ощущение того, что победа гарантирована. Никакая победа Ельцину не гарантирована, это очень серьезная опасность.

Второй вопрос, который возникает в этой связи — а есть ли разница? Вот смотрите, ведь в нынешней элите колоссальное количество выходцев из той же коммунистической элиты. Посмотрите в регионах, на многие администрации, кто там реально работает. Посмотрите, насколько несовершенна нынешняя власть, посмотрите кто в той же КПРФ — это что, реальная партия протеста? Там сидят те же самые во многом люди, точно такие же! Так тогда может быть и выбора этого самого нет, речь идет о той же самой политике, которую с маленькими нюансами будут проводить чуть другие люди. И если это так, то тогда какая разница?

Вот на мой взгляд, это величайшая ошибка, ошибка очень и очень серьезная.

Я не буду разбирать программу коммунистов, тем более, что они тщательно ее скрывают, более тщательно, чем любые свои государственные секреты. Я не буду разбирать книжки Зюганова, они, думаю, хорошо известны здесь присутствующим. Если не известны, они их прочитают. Я не буду говорить о коммунистических традициях, о том, что принесла в прошлый раз коммунистическая партия. Я не бу-

ду вспоминать, как в Чехословакии в 48 году компартия Чехословакии шла примерно с такой же милой, ласковой программой на демократические выборы и что она делала после того, как она получила там власть. Я скажу о другом. О том, что, кстати говоря, является предметом самого пристального анализа в любом гражданском обществе, когда мы говорим о выборах - а как реагирует само общество на эти выборы, как реагирует такая его, близкая мне, составная часть, как финансовые рынки?

Уже сегодня предстоящие выборы оказывают огромное влияние на развитие событий в российской экономике, практически блокируя начало экономического подъема. Никто не будет вкладывать юенги в частные капитальные вложения, пока есть реальная угроза того, что придут люди, склонные, скажем так, не гарантировать частную собственность. Уже сегодня финансовые рынки реагируют на рейтинги политиков больше, чем на что-либо другое. Российский фондовый рынок упал до критической отметки к началу марта, когда казалось, что у Ельцина нет никаких шансов, и начал подниматься после того, как рейтинг его начал расти.

Это значит, что лихорадит всю экономику, лихорадит то, от чего зависит жизнь десятком миллионов людей.

Сегодня Правительство сталкивается с огромными проблемами на финансовых рынках своих ценных бумаг именно потому, что никто не знает, что будет происходить после июля. Именно поэтому сегодня Центральный банк оказывается перед тяжелейшими проблемами выбора стратегии финансовой политики, вынужден активно интерминировать, для того чтобы поддержать курс государственных ценных бумаг.

Ну хорошо, это все можно пережить несколько недель. Для этого есть необходимые ресурсы. А теперь давайте вместе подумаем попогово, а что будет происходить в России, если 9 июля президентом будет избран Геннадий Андреевич Зюганов. Что будет происходить на рынках просто? Ну я могу сказать, что будет происходить. Еще до того, как Геннадий Андреевич Зюганов переступит порог своего кремлевского кабинета, первое что случится, будет полный крах российского фондового рынка. Он просто перестанет существовать. Деньги, вложенные в фондовый рынок, будут немедленно переведены в более ликвидные формы, и главная забота будет: а как вывезти их из страны, и тех, кто вкладывал их, в том числе и иностранных инвесторов.

Второе. Возникнет острейший кризис на рынке государственных заимствований. Просто кто будет давать в долг государству, которое, может быть, не собирается возвращать эти долги.

Центральному банку придется в массовых масштабах скупать государственные ценные бумаги, одновременно выбрасывая деньги в экономику. А главное: что будет происходить на валютном рынке? Что сделает любая ваша семья 9 числа? Любая семья ваших знакомых 9 числа. Я могу сказать, что она сделает. 9 числа все свои самые скромные сбережения она переведет из рублевой формы в долларовую. Мы привыкли жить в долларизованной девальютной экономике. То же самое, кстати, сделает любой разумный президент российского банка и любой разумный генеральный директор российского предприятия. Спрос на конвертируемую валюту вырастит не на несколько процентов, а в разы. Центральный банк будет поставлен перед неприятнейшей альтернативой что делать: интерминировать, продавать свои валютные резервы до того момента, пока их не останется и придется просто развести руками? Быстро и резко забыть о всех формах регулирования курса и девальвировать рубль в несколько раз? Но тогда есть реальная угроза того, что следующее, что сделают люди, они еще быстрее побегут от обесценивающихся рублей. Или выйти из режима конвертируемости рубля, потому что рубль больше не конвертируемый.

Я абсолютно убежден, что вне зависимости от того, что сегодня думает Зюганов и что напишут в его программе, неизбежным результатом прихода коммунистов к власти будет то, что на протяжении следующих нескольких месяцев рубль перестанет быть конвертируемой валютой.

Ну что происходит, собственно, дальше. Я хорошо знаю ситуацию с импортными контрактами. Многие импортные контракты на Россию заключены до июня месяца. Просто все хотят посмотреть,

а что будет дальше.

Конкуренция импортных товаров – это важнейший фактор, обеспечивающий сбалансированность потребительского рынка, конкуренцию на этом рынке, сдерживающий рост цен. Отказ от конвертируемости рубля – это страшный удар, практически разрушающий современную структуру нашей внешней торговли. Значит естественное и неизбежное следствие этого – возникновение перебоев в снабжении и резкий рост цен на потребительские товары.

Что делают нормальные семьи после того, как нельзя на рубль купить доллары, после того, как выясняется, что потребительский рынок начинает разрушаться? Естественно начинаются панические закупки стирального порошка, сахара, спичек, соли и т.д. Реакция на это – ускорение роста цен. Каждый процентный пункт ускорения месячной инфляции – это сегодня в России 700 тысяч дополнительных бедных.

Что делает коммунистическое правительство, столкнувшись со всеми этими реалиями? Первое, что от него требует поддержка Анпилова – введение контроля цен. Второй абсолютно неизбежный результат, вне зависимости от того, что сегодня Зюганов хочет прихода коммунистов к власти – это попытки введения контроля цен при сеансовой панике, воспроизводящей все стереотипы дефицитной экономики. Это хорошо вам известно.

Значит, мы оказываемся в положении, когда рубль не конвертируемый, рубль неработающий, снова возникают стереотипы дефицитной экономики. Значит зерно больше нельзя купить за деньги, его можно только отобрать у колхозов, у акционерных предприятий. Значит мы снова в 1990–1991 году, где не работает

ни рубль, ни приказ.

Сегодня те, кто поддерживает коммунистов, надеются, что они получат нынешние прилавки и цены 1985 года. Когда они убедятся, что они получают прилавки 1988 года и нынешние цены, я уверяю вас, что это будет им крайне неприятным сюрпризом и социальная реакция на это будет предельно жесткой, предельно неприятной.

Что будут делать коммунисты, столкнувшись с этим? Это совершенно неизбежно: они будут искать врагов народа. Они будут усиливать контроль за прессой. Они будут пытаться демонтировать те институты гражданского общества, которые позволяют хоть как-то дисциплинировать.

Еще раз подчеркну. Я до сих пор не сказал ни слова о программе коммунистов, о том, что они хотят делать. Я говорю только о том, к каким неизбежным результатам приведет реакция институтов гражданского общества на победу коммунистов. Я убежден, что победа коммунистов – это радикальное изменение нашей жизни, это страшные катастрофические изменения нашей жизни, это огромный риск для нашей страны и для мира. Я еще раз подчеркну: у них никогда не получится стабильного социализма больше. И еще несколько лет подобного рода эксперимента России в высшей степени хотелось бы избежать.

Теперь представим себе другой сценарий. Выигрывает Президент Ельцин. 8 июля выигрывает Президент Ельцин. У меня масса своих собственных претензий к Борису Николаевичу Ельцину, как, я думаю, у любого из присутствующих в этом зале. Но я отнюдь не склонен полагать, что экономическая политика Президента Ельцина после победы будет идеальной. Я отнюдь не склонен

полагать, что первое, за что он возьмется, будут необходимые либеральные реформы. Но мы просто обо всем этом забудем и подумаем: а как отреагируют рынки на победу Ельцина 8 июля 1996 года. Я скажу, как они отреагируют. Первое, что произойдет начнется резкий рост котировок всех основных российских ценных бумаг. Ну просто потому, что сегодня все отечественные и зарубежные инвесторы думают, куда бежать быстро из России или в Россию. Просто вот если Ельцин выиграл – это значит, что завтра акции ЛУКойла, Силикома, РАО ЕС "России" "Мосэнерго" начинают быстро расти. Если они начинают быстро расти, я это знаю, почему я не должен быть там первым.

Это значит, что автоматически заданным является быстрая переброска мировых капиталов, внутренних капиталов на российский рынок.

Значит Центральный банк сталкивается совсем с другой проблемой: а что ему делать с избыточным предложением конвертируемой валюты, как не допустить инфляционных ожиданий. Выясняется, что российские государственные ценные бумаги отнюдь не так ненадежны, как казалось раньше. Что надо делать? Значит они будут расти в цене неизбежно. Значит надо успеть вложить в них до того, как это сделают другие. Совершенно неизбежно растут котировки, совершенно неизбежно падает процентная ставка.

Сегодня обсуждаются, обсуждены, подготовлены десятки крупнейших инвестиционных контрактов в России, потому что это их привлекает, интересный рынок. Ни один из них не начнется всерьез до 8 июля. Потому что нет идиотов или готовых рисковать своими деньгами в такой ситуации.

8 июля зеленый свет перед этими контрактами будет открыт. Это значит, что Ельцин еще ничего не сделал после победы, он ничего не совершил, просто обеспечил своей победой устойчивость финансовых институтов, частособственных институтов в России, тем самым одновременно открыл дорогу к экономическому росту в России. Потому что основные после этого необходимые предпосылки – работающая финансовая система, более низкие процентные ставки, гарантии частной собственности – вот они, здесь.

Мы по-прежнему останемся экономикой с огромными проблемами и по-прежнему экономикой, которой нужны либеральные реформы, но экономикой не падающей, а растущей, экономикой, у которой появляются деньги для решения наиболее острых, наиболее кричащих социальных проблем. И согласитесь – это огромная радость, это не сравнимо с тем сценарием, который мы обсуждали при победе коммунистов.

Таким образом, хочу сказать, что я категорически не согласен с теми, кто говорит, что нет разницы между победой Зюганова и Ельцина. Она есть, и важно не то, что тот или другой здесь будут говорить, а что значит эта победа с точки зрения реакции института гражданского общества.

Если вы согласны с тем, что я сейчас сказал, то есть что реальный выбор - это Ельцин - Зюганов и что победа Ельцина и победа коммунистов - это реальная стратегическая развилка для России на мой взгляд, это означает, что стратегическая наша позиция является заданной и понятно, что мы обязаны делать в такой ситуации. Тем не менее перехожу к обсуждению ряда тактических соображений и аргументов, которые высказываются при обсуждении нашей позиции.

Некоторые коллеги говорят: ну хорошо, пусть все это правильно. Но зачем нас связывать себя в первом туре? У нас же есть масса претензий к Ельцину, но ведь все же он будет во втором туре. Ведь все равно там будут Ельцин и Зюганов. Ну зачем нам брать на себя эту моральную ответственность?

Я убежден, что с этим аргументом нельзя согласиться. Нельзя согласиться по двум основаниям. Во-первых, по основанию моральному. Ну если мы сами, дорогим друзьям, договорились, что это реальный выбор между Зюгановым и Ельциным и мы на самом деле надеемся, что Ельцин победит. Мы хотели бы, чтобы кто-то другой взял на себя моральную ответственность за эту победу, потому что у нас такие чистые "белые перчатки"... Мне кажется, что это как раз позиция, уязвимая с моральной точки зрения. И второе - прагматически. Колоссальное влияние на исход голосования во втором

туре, без всякого сомнения, окажется исход первого тура голосования. Здесь присутствуют мои друзья, в том числе бывшие губернаторы. Они очень хорошо знают, в какой степени для многих колеблющихся региональных элит определяющим будет исход первого тура. Если в результате разделения демократических голосов Ельцин придет во второй тур сильно ослабленным, с серьезной форой для Зюганова, я убежден, что начнется массовое бегство представителей многих региональных элит в противоположный лагерь, что колеблющийся электорат может метнуться туда, и тогда, играя на всех этих мелких тактических соображениях, мы можем создать ту волну, которую никакими силами не остановим накануне второго тура. Нравится нам это или не нравится, но сегодня ситуация сложилась так, что реально каждый голос, поданный не за Ельцина в первом туре объективно работает на Зюганова. Это жесткая реальность, но это реальность нынешней политической ситуации. Поэтому я убежден, что мы, наша партия, должны поддержать Ельцина в первом туре и призвать своих сторонников это сделать. /Аплодисменты/

м Что практически в этой связи мы должны делать? Значит ли это, что мы должны, с сегодняшнего дня принимая эту позицию, мы забываем о всех ошибках Ельцина, говорим, что это рыцарь без страха и упрека, надежда и опора? Да нет, дорогие друзья. Не надо переоценивать свое влияние на избирателей. У нас с вами есть свой избиратель. Это умный избиратель. Умный, как правило, избиратель, разумный. Он все понимает. Он очень хорошо понимает фальшь. Поэтому я думаю, что, как и всегда, мы должны говорить правду - правду о том, что у нас есть серьезные претензии к Ельцину, правду о том, что он сделал немало ошибок: правду о том,

что у нас нет никаких иллюзий, что после выборов его власть будет идеальной и даже просто удовлетворительной, и вместе с тем правду о том, что сегодняшний выбор - это действительно, как правильно вчера сказал Ельцин, выбор не персоналий - это выбор будущего страны, и в этом выборе наша позиция является жестко определенной и заданной. Мы категорически против еще одного коммунистического эксперимента в России.

Я действительно отнюдь не убежден, что та власть, которую мы будем иметь после выборов в случае победы Ельцина, будет малюльски удовлетворительной. Она наверняка будет нас во многом и не удовлетворять. Но еще раз напомню вам: мы либералы, и если нам удастся сохранить институты гражданского общества, они позволят жить даже с не слишком удовлетворительной властью. Больше того, постепенно нарабатывают тот потенциал, который позволит дисциплинировать эту власть, сделать эту власть лучше, более ответственной. В этой связи наше голосование в июне-июле месяце - это не голосование за персоналии и даже не голосование за власть.

Это голосование за то, чтобы сохранить наше гражданское общество, чтобы сохранить те реалии, которые действительно сложились сегодня в России, поразительные еще 10 лет тому назад: частную собственность, мощный частный сектор, открытую экономику - экономику, инкорпорирующуюся в мировой рынок; финансовые рынки, свободу слова, социальную открытость, полифонию социальных институтов - все то, что и дает России ^{вернуться} шанс на столбовую дорожку мирового развития в конце 20-го - начале 21-го века.

Вот это суть предстоящих выборов и это то, почему мы можем идти и призывать отдать голос за Ельцина, не стесняясь и не стыдясь этого. В этом, я убежден, нет никакой моральной фальши.

Мы голосуем не за ту или другую власть. Мы действительно голосуем за шанс нормального цивилизованного развития России, и шанс этот на сегодняшний день - так сложилось - действительно связан с победой Ельцина. /Аплодисменты/

Дорогие друзья! Осенью 95-го года наша партия Демократический Выбор России, наши союзники по блоку призывали сделать разумный выбор - не самый, напому, приятный, не самый замечательный, а разумный. И я убежден, что и сегодня, в канун президентских выборов, нашим лозунгом должен быть тот же лозунг. Так давайте сделаем разумный выбор!

/А п л о д и с м е н т ы/

Дорогие друзья, на этом я остановился бы в своем вступительном слове. Если есть вопросы, я с удовольствием на них отвечу.

ИЗ ПРЕЗИДИУМА

Есть просьба ко всем участникам съезда дать Егору Тимуровичу отдохнуть пять минут и в письменном виде подать вопросы в секретариат. /Аплодисменты/

Слово для информации предоставляется Валентину Ивановичу Татарчуку.
